

ЧИКАТИЛО. ЯВЛЕНИЕ ЗВЕРЯ

Содержание

ЧАСТЬ I	9
ЧАСТЬ II	59
ЧАСТЬ III	105
ЧАСТЬ IV	153
ЧАСТЬ V	203
ЧАСТЬ VI	249
ЧАСТЬ VII	295
ЧАСТЬ VIII	335

ЧАСТЬ I

Стоял погожий сентябрьский день, к тому же пришедшийся на воскресенье. На пригородной платформе было людно. Небогатые советские дачники — женщины с сумками на колесах, мужики с рюкзаками, грибники с корзинами — ждали электрички до города. Возле щита с расписанием сидели местные, немолодые уже тетки, для поддержания семейного бюджета торгующие дарами своих огороδικов — помидорами, кабачками, баклажанами, осенними астрами и семечками.

На платформу поднялся мальчик с бамбуковой удочкой и бидончиком. Лавируя между взрослыми пассажирами, он подошел к расписанию и принялся изучать его, беззвучно шевеля губами.

К торговкам подошел усталый милиционер из местного отделения.

— Как торговля?

Самая бойкая из теток, в нелепой белой кепочке с персонажами «Ну, погоди!» на тулье, фыркнула:

— Какая торговля? Слезы одни.

Мужчина по-хозяйски загреб из мешка горсть семечек, ссыпал в пустую кобуру, кинул семечку в рот.

— Осень. У всех своего полно, — поддержала соседку вторая торговка.

Разговор забуксовал, но тут владелица кепочки поинтересовалась у милиционера, понизив голос:

— Коля, а шо, правда в лесополосе за поселком на той неделе еще один труп нашли?

Тот, не переставая лузгать семечки, кивнул.

— И шо?

— Шо, шо... — внезапно раздраженно, даже зло ответил милиционер. — Пиздец, вот шо! Тело все в ножевых... Одежда в лоскуты... Насиловал он ее... а потом еще туда ножом тыкал, тварь...

Торговки испуганно и тревожно переглянулись.

Мимо них прошел неприметный мужчина в плаще и шляпе, с портфелем в руках. Таких, как он, даже на этой платформе было несколько человек.

— Когда ж это кончится? Когда их поймают? — спросила «Ну, погоди!».

Милиционер сплюнул на рельсы шелуху, посмотрел куда-то вдаль и нехотя ответил:

— Скоро, тетя Вер, скоро...

Мальчик, изучив расписание, присел на скамейку, поставил бидончик у ног, примостил рядом бамбуковую удочку и свесил голову, разглядывая свои испачканные кеды. На носке одного кеда была нарисована шариковой ручкой улыбающаяся рожица. Он был заметно расстроен — клева не случилось, бидончик для добычи пустовал.

Незнакомец в плаще и шляпе сел на эту же скамейку, но не рядом, а оставив свободное пространство. Мальчишка повернулся к нему, равнодушно скользнул взглядом и вернулся к созерцанию кед.

— На запрудку ходил? — спросил мужчина.

Рыбачок молча кивнул.

— Не клевало?

Мальчик все так же молча покачал головой — нет, мол. Человек в плаще улыбнулся.

— Удочка у тебя хорошая. У меня такая же была. Я однажды на нее килограммового окуня вытащил.

Эти слова задели мальчика, он недоверчиво посмотрел на словоохотливого дядьку и снисходительно усмехнулся, как взрослый.

— Ну да! Таких окуней не бывает.

— Там, где я жил, бывают и больше, — снова улыбнулся незнакомец. — Меня, кстати, дядя Андрей зовут. А тебя?

— Там — это где? — пропустив вопрос мимо ушей, заинтересовался мальчишка.

— На Дальнем Востоке.

— А, ну там-то да... — расстроенно протянул рыбачок и, спохватившись, добавил: — Я Саша, здрасте.

Разговор на короткое время прекратился — мимо платформы с грохотом пронеслась электричка.

— У тебя, Сашок, леска толстая, — уверенно сказал мужчина. — Ноль-три?

Мальчик кивнул.

— Ага. Батька купил в спортмаге.

— Поэтому и не клевало, — еще увереннее сказал человек в плаще. — Такая на щуку хороша. А на запрудке карась, он толстую леску видит и боится.

Саша с досадой махнул рукой.

— Да знаю я...

Он снова уставился на кеды. Мужчина выдержал паузу и доверительно сообщил мальчику:

— Я вижу, ты настоящий рыбак, Сашок. В общем... У меня «японка» есть. Ноль-двенадцать, крашеная. Слышал о такой?

Мальчишка тут же вскинулся, посмотрел на собеседника, и стало видно, что в его глазах восторг борется с недоверием.

— Слышал, конечно... — пробормотал он и с уважением кивнул. — Четкая леска!

— У меня две катушки, шурин из загранки привез, он моряк, — сказал мужчина. — Я теперь на рыбалку редко езжу... Хочешь, одну катушку тебе отдам? Жалко, что добро пропадает.

Рот рыбачка против его воли расплылся в улыбке.

— Кто ж не хочет... — сказал он, но тут же спохватился: — Только у меня денег нет. А она дорогая, небось.

— Чудак ты, Сашок, — тоже улыбнулся человек в плаще. — Я ж бесплатно предлагаю. Мне она тоже за так досталась. У меня дача тут, триста метров от платформы, за лесополосой. Хочешь, сейчас и отдам. Пойдем?

Саша подался вперед, готовый прямо сейчас вскочить и бежать вместе с щедрым дядей Андреем, но взгляд его скользнул по щиту с расписанием электричек, и улыбка на загорелом лице потухла. Мальчик отрицательно помотал головой.

— Не... На электричку опоздаю — мамка заругает. Она велела, чтобы я к обеду был, а то больше не отпустит, а уже три часа.

Мужчина пожал плечами, сказал равнодушно, но уверенно:

— Вообще-то до электрички еще полчаса, ты сто раз успеешь. Но нет — так нет. Как хочешь.

Не дожидаясь ответа, он встал, подхватил портфель и пошел по платформе, мимо щита с расписанием, мимо беседующего с торговками милиционера, постепенно удаляясь от мальчика.

Мальчик смотрел ему вслед, кусая губы. В нем боролись желание стать обладателем дефицитной японской лески и опасение опоздать на электричку.

Решение, как всегда бывает в таком возрасте, пришло внезапно. Мальчишка вскочил, подхватил бидончик, удочку и, громко топая кедами, побежал следом за мужчиной, крича на бегу:

— Дядя Андрей! Стойте! Дядя Андрей! Я с вами!

Он догнал доброго и щедрого дядю Андрея. Тот протянул ему ладонь. Мальчик доверчиво взял мужчину за руку; так они и пошли по платформе и дальше, по тропинке, убегающей в лесополосу. Ни милиционер, ни торговки, ни другие

пассажиры на платформе не обратили на эту обыденную сцену никакого внимания.

По вторым путям пронеслась, тревожно гудя, электричка.

* * *

Следующим утром в лесополосе возле станции престарелый грибник сделал страшную находку.

Милиция приехала быстро — это был далеко не первый подобный случай за последнее время. Стоял густой туман, в нем угадывались очертания столбов вдоль железной дороги, силуэты деревьев. Чуть ближе были видны несколько милицейских машин, возле них кучкой стояли и курили милиционеры в форме и пара оперативников в штатском.

У кучи опавших листьев и валежника работали эксперты — один фотографировал тело убитого мальчика, другой заносил данные осмотра места происшествия в протокол:

— Множественные ножевые ранения. Половой член отрезан, отсутствует. Глаза выколоты...

Майор Ростовского уголовного розыска Липягин, один из лучших оперативников города и области, неподалеку допрашивал старого грибника:

— В каком часу это было?

Старик покрутил в руках пустую корзину, припоминая:

— Около пяти, должно быть. Я рано встаю, если по грибы. А то дачники все разберут... Иду, а тут такое... Я сразу на станцию, вам звонить стал...

— Никого рядом не видели? — спросил Липягин.

Старик покачал головой.

— Да какое там... Я ж испугался... Туман этот еще... Мальчонку-то за что так, а, товарищ начальник? Он же маленький совсем... Что ж это, а? Как будто немец опять пришел...

Стоявший поодаль капитан Витвицкий, высокий человек с нервным лицом, сделал несколько шагов к куче и увидел

торчащие из нее детские ноги — одна в грязном кеде с нарисованной рожицей, другая босая. Ноги были покрыты запекшейся кровью. Из кучи также торчала сломанная бамбуковая удочка. Витвицкий пригляделся к тому, что фотографирует эксперт, резко побледнел, отшатнулся, отошел на подгибающихся ногах в сторону, согнулся, его стало неудержимо рвать.

Кутившие милиционеры обернулись.

— Новенький, что ли? — поинтересовался кто-то из оперов.

— Не, сказали, спец, — ответил водитель «бобика». — Ловить этих... Которые вот... — кивнул на останки мальчика, — в лесополосах орудуют.

— Какой из него спец? — хмыкнул другой опер. — Вон как харчи метает...

— Начальству виднее, — пожал плечами водитель. — Из Москвы прислали.

Старик, разговаривавший с Липягиным, вдруг схватился за грудь, захрипел, начал падать, выронив корзинку.

Липягин подхватил его, крикнул оперативникам:

— Паша, «Скорую!» Похоже, сердце...

* * *

Неделей ранее этих печальных событий в Москве, в кабинете заместителя министра внутренних дел Советского Союза, состоялся важный, можно даже сказать судьбоносный разговор.

За большим столом, украшенным дорогим письменным прибором и настольной лампой под зеленым абажуром, сидел хозяин кабинета, уже немолодой, грузный человек в генеральской форме — Владимир Панкратович Сазонов. Напротив него, в кресле для посетителей, расположился следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР полковник Тимур Русланович Кесаев. Они были давними знакомыми, хотя и работали в разных ведомствах.

— ...Несмотря на все усилия местных органов, убийства продолжаются, — говорил генерал, изредка поглядывая в документы. — Лесополосы, городские парки и окраины стали небезопасными местами. Поэтому было принято решение создать межведомственную группу. И возглавить ее поручено тебе, Тимур Русланович. Задача простая и сложная одновременно — разобраться в этих убийствах и поймать преступников.

— Разрешите один вопрос, Владимир Панкратович? — подал голос Кесаев.

Сазонов внимательно посмотрел на него.

— Вопросов у тебя, я думаю, не один и не два. А время идет. Поэтому давай все потом, в рабочем порядке. Формируй группу и езжай в Ростов. Местные товарищи тебя встретят, введут в курс дела, окажут всяческое содействие, я об этом позабочусь.

— По подбору кадров я полностью самостоятелен? — спросил следователь.

Генерал кивнул.

— Конечно. Единственное — возьмешь капитана Витвицкого...

Кесаев поморщился, словно съел целый лимон.

— Кого?! Этого болтуна, из НИИ МВД который? Ни за что. Зачем мне гиря на ногу?

Сазонов мгновенно потерял спокойствие, в голосе его лязгнула сталь.

— Я что тут с тобой, в бирюльки играю?! — он встал, подошел к окну, за которым шумело Садовое кольцо. — Это приказ! Дело на контроле в Политбюро! Там детей убивают, а милиция три года возится.

Кесаев развел руками.

— Да Витвицкий-то тут при чем? Тоже мне, нашли Шерлока Холмса...

— Холмса не Холмса, а нужно использовать новые методики, особенно если старые не работают. Психология пре-

ступника и все такое прочее... Ну, ты же помнишь тему его диссертации... — мужчина вернулся к столу.

— Владимир Панкратович, но это же теория! Как это мне поможет?

Генерал сел в кресло, отпил остывший чай из стакана в серебряном подстаканнике.

— Поможет, поможет, Тимур Русланович... Ты Стругацких, «Жука в муравейнике», читал? Помнишь, как там сказано...

Сазонов отставил стакан, поискал среди бумаг на столе, нашел нужную.

— Вот, я выписал даже: «И если в нашем доме вдруг завоныло серой... мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах»¹.

Следователь криво усмехнулся.

— Вот прямо черт с рогами?

Генерал нахмурился.

— Я видел секретный доклад КГБ туда... — он указал глазами на потолок. — В области натуральная паника. Люди отказываются выпускать детей одних в школу. Слухи ходят такие... Вплоть, кстати, до черта, то есть дьявола. Мол, бродит среди людей, убивает детишек и похищает детские души. Поэтому возьми Витвицкого.

— Да что он может... — расстроено протянул Кесаев.

Генерал резко припечатал лист с цитатой из Стругацких к столу ладонью.

— Все! Разговор окончен. Дело, я тебе уже говорил, на контроле партии и Политбюро! Идите, товарищ следователь по особо важным делам.

Мужчина молча встал, взял со стола папку и вышел из кабинета.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. М.: Изд-во Лумина, 1983.

* * *

Вечером того же дня на аэродроме в подмосковном Чкаловском у спецборта МВД СССР, бело-синего «Ту-134», собрались все участники группы Кесаева. Время поджимало, стюардесса попросила пассажиров подняться в самолет, и у трапа остались только Кесаев и его давний знакомый и помощник майор Горюнов, крепкий, краснощекий здоровяк, никогда не теряющий присутствия духа.

Стюардесса с озабоченным лицом сбегала по ступенькам трапа, цокая каблучками:

— Товарищи, нам через три минуты взлетать. Где ваш сотрудник?

Кесаев процедил сквозь зубы:

— Хотел бы я знать... Олег, ты ему время точно продиктовал?

Последняя фраза адресовалась Горюнову. Тот развел руками:

— Ну, Тимур Русланович, что я, первый день замужем, что ли?

Командир экипажа отдал команду на продувку и запуск двигателей. Турбины, медленно раскручиваясь, вскоре начали выть, словно тысяча голодных волков, затем вой перешел в рев. Стюардесса поднялась по трапу в самолет.

Следователь, перекрикивая шум двигателей, сообщил Горюнову:

— Еще минута — и летим без него!

В этот момент на летном поле появился опоздавший Витвицкий. Он бежал к самолету, нелепый, несуразный, в развевающейся одежде, роняющий по дороге вещи. Горюнов первым заметил его, тронул Кесаева за руку:

— Вот он, Тимур Русланович!

Кесаев повернулся, посмотрел, как Витвицкий, уронив портфель, поднял его, уронил сверток с бумагами, потом споткнулся, снова уронил портфель, и зло бросил:

— Клоун... Олег, иди садись.

Горюнов поднялся по трапу. Витвицкий подбежал к самолету, где его поджидал Кесаев.

— Фу-у-х, успел!.. — с радостным выражением на лице крикнул Витвицкий.

Следователь, стараясь держать себя в рамках, резко оборвал его:

— Нет, не успели! Вы, Витвицкий, едва не сорвали нам полет! Это разгильдяйство...

Витвицкий, побледнев, закричал в ответ — турбины ревели на полную:

— Я должен был собраться... Я ученый! Мне дали всего три часа...

Кесаев покачал головой:

— Ты — офицер милиции! А еще сопляк и демагог. Марш в самолет! Бегом!

Витвицкий попытался возразить, но стюардесса уже махала с трапа, и ему пришлось послушно подняться по ступенькам. Последним в самолет вошел Кесаев. Дверь закрылась, трап отъехал, самолет вырулил на взлетку, разогнался, взлетел, и через мгновение его бортовые огни исчезли в низких вечерних облаках.

* * *

Все это было неделей ранее, а сейчас московская группа вместе с местными оперативниками работала на месте очередного преступления убийцы, уже прозванного Ростовским потрошителем.

Рассвело. Туман рассеялся. Часть милицейских машин уехала. Возле «Скорой» врачи хлопотали вокруг старика-грибника, ставили ему капельницу. В стороне майор Липягин о чем-то разговаривал с оперативниками.

Санитары подняли и понесли к серому «уазу»-«буханке» с красным крестом носилки с убитым мальчиком, закрытым

белой простыней. Сквозь простыню проступали кровавые пятна.

Витвицкий, по-прежнему бледный, с платком в руке, наблюдал за этим. К нему подошла миловидная девушка в простенькой кофточке и серой юбке — старший лейтенант Овсянникова, единственная женщина в ростовском УГРО.

— Ну, как вы? Полегче? — спросила она у Витвицкого.

Тот неопределенно дернул плечом.

— Не знаю... Мутит... Я никогда не был... На вот таком вот...

Овсянникова понимающе кивнула.

— Да, к такому привыкнуть сложно.

Она поежилась от утреннего ветра, несущего знобкий холодок, вздохнула:

— И главное — я понять не могу... Когда в пьяной драке... Или с целью ограбления... Да даже эти... насильники... Им ведь главное — получить удовлетворение, а потом... Иногда убивают, бывает. Боятся, что жертва расскажет. Убивают, придушат там или ножом пырнут — но не так! Это же ужас!

Витвицкий повернулся к Овсянниковой, внимательно посмотрел на нее.

— А вы... Как вас, простите, по имени-отчеству?

— Просто Ирина.

— Очень приятно. Я Виталий Иннокентьевич. Так вот... Вы не думали, Ирина, что без этого всего преступники... — он сделал жест рукой с платком куда-то в сторону «уазика». — Просто не могут получить... это вот, о чем вы сказали... удовлетворение?

Санитары погрузили носилки в «уазик», с грохотом закрыли двери. Овсянникова промолчала. Липягин двинулся к служебной «Волге», по пути скомандовал своим:

— В час совещание у Ковалева, с московскими коллегами. Не опаздывать!

Машины разъехались, место убийство опустело, только сиротливо торчала из кучи листвы сломанная бамбуковая удочка с обрывком толстой лески ноль-три.

* * *

У уличного киоска с крупной надписью «ОВОЩИ» стояла небольшая очередь, в основном женщины, возвращавшиеся домой после работы. Некоторые были с детьми, кто-то уже успел отовариться и держал в руках полные авоськи и хозяйственные сумки. За прилавком гремел весами продавец-мужчина в грязно-белом халате.

Очереди бывают разные: тихие и интеллигентные очереди за книгами, шумные и горластые — за водкой, скорбные очереди в больницах или нервные, истеричные — за билетами на вокзале. В очереди к овощному киоску обсуждали недавнее убийство в лесополосе возле станции.

— Я бы, если бы их поймала, своими руками бы придушила! Сволочи! — эмоционально говорила немолодая женщина, рубя воздух ладонью.

— Вы думаете, их много? — спросила высокая дама в желтом платье.

— Один человек на такое не способен, — отрезала эмоциональная и, понизив голос, добавила: — Говорят, что это целая банда... — она кивнула куда-то в сторону. — Оттуда.

Продавец киоска услышал их разговор и вмешался:

— Откуда еще — оттуда?

Зачинщица разговора резко повернулась к новому собеседнику:

— Ясно откуда. С Запада!

Продавец нахмурился.

— Да что вы херню несете, женщина? Это эски с урановых рудников. Они облученные, смертники, считай... Вот и мстят всему свету...

— Да какие смертники. Я тоже слышала, что диверсанты из-за бугра, — уверенно сказала женщина в желтом.

— Зачем им, — усмехнулся продавец, — присылать сюда диверсантов? Да еще и детей убивать?

— Ясное дело, зачем. Дети — это же наше будущее, — пожалала полными плечами дама в желтом платье.

Старушка в платочке, похожая на персонажа из русской народной сказки, поддержала ее:

— Правильно, дочка. Вот по будущему они и бьют, гады фашистские.

Старушка повернулась к мужчине в плаще и шляпе, стоящему за ней:

— Верно, я говорю, мужчина?

Тот кивнул и ответил, негромко и уверенно:

— Верно. Конечно, верно. Дети — цветы жизни.

— Мне соседка рассказывала, у нее муж в милиции работает, что они детей гипнозом уводят, — не унималась эмоциональная. — Мы с мужем своего теперь до школы провожаем. И встречаем.

— Гипноз — это чушь... — возразил человек в плаще.

— Сами вы чушь! — немедленно повысила голос женщина. — У меня свояченицу цыгане гипнозом обокрали...

Продавец, которого начал утомлять этот разговор, перебил ее:

— Следующий! Женщина, что вам?

Эмоциональная спохватилась, сунула продавцу в руки чисто выстиранные пакеты:

— Ой, мне огурцов кило и синеньких... Сюда вот положьте.

Разговор затих сам собой. И тогда незнакомец в шляпе тихо произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Никакого гипноза не существует. А с детьми нужно лаской...

Он дождался своей очереди, купил картошки и лука, сложил все это в матерчатую сумку и не спеша пошел

по улице домой. На него никто не обращал внимания — ну идет человек с работы и идет. Точно так же никто не обратил на него внимания накануне утром на платформе пригородной электрички, когда он, представившись дядей Андреем, пообещал мальчику Саше японскую леску и увел в лесополосу.

Звали человека Андрей Романович Чикатило, он был примерным семьянином, хорошим работником, и его фотография даже висела на Доске почета...

* * *

В кабинете начальника уголовного розыска Ростовской области полковника Ковалева былолюдно — шло совместное совещание с московской группой Кесаева.

По одну сторону длинного стола сидели подчиненные Ковалева, сотрудники местного уголовного розыска, среди них Липягин и Овсянникова. По другую сторону расположились в полном составе гости. Во главе стола восседал сорокалетний Ковалев, гроза областной преступности, человек решительный и жесткий.

— Еще раз хочу представить вам наших московских коллег, — обратился он к своим подчиненным и вышел из-за стола. Прохаживаясь вдоль сидящих, Ковалев называл имена: — Тимур Русланович Кесаев, следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам. Его заместитель, майор Олег Николаевич Горюнов. Майор Сеченов. Капитан Трешнев. Капитан Шабурин. А это эксперт из НИИ МВД, капитан Виталий Иннокентьевич Витвицкий.

Полковник остановился возле все еще бледного Витвицкого.

Липягин негромко, но так, что все услышали, сказал:

— С капитаном мы уже познакомились, на выезде сегодня. Хорошо познакомились. Он нам, можно сказать, всю душу излил.

На лицах подчиненных Ковалева появились сдержанные улыбки, послышались смешки. Витвицкий опустил голову. Только Овсянникова посмотрела на капитана с сочувствием.

— Не отвлекаемся, товарищи, — одной фразой навел порядок Ковалев. Смех сразу стих. — Московские коллеги приехали к нам в подкрепление в связи с убийствами в лесополосах.

Мужчина вернулся на свое место, сел, продолжил говорить:

— Прошу, так сказать, любить и жаловать. И оказывать всяческую поддержку.

— Вы неверно информированы, Александр Семенович, — мягко произнес Кесаев, и в кабинете вдруг наступила звенящая тишина. — Моя группа ведет собственное расследование, а в ваши обязанности входит всесторонняя поддержка. Так что надеюсь на плотное взаимодействие.

Местные переглянулись. Ковалев напрягся, поиграл желваками — с ним так разговаривало только большое начальство, да и то крайне редко. Однако он тут же взял себя в руки и вернул на лицо дружелюбное выражение.

— Можете рассчитывать на полное содействие с нашей стороны, Тимур Русланович.

Следователь кивнул.

— В таком случае, Александр Семенович, было бы неплохо, если бы вы ввели нас в курс дела и поделились своими соображениями.

Ковалев открыл папку с документами, бросил на них беглый взгляд, напоминая себе детали, и начал говорить:

— В последнее время в области серьезно возросло количество нераскрытых убийств. Изуродованные тела, в том числе детские, находят в парках Ростова и окрестных лесополосах, чаще в районе станций пригородных электричек. Мы предполагаем, что действует банда.

— Почему? — неожиданно раздался голос Витвицкого.

Полковник осекся, его подчиненные посмотрели на Витвицкого так, будто заговорил стул. В этом кабинете не было принято перебивать его хозяина.

— Что — «почему»? — сдерживая гнев, спросил Ковалев.

— Почему вы полагаете, что действует банда? — глядя на полированную поверхность стола, негромко спросил Витвицкий.

Кесаев недовольно свел брови к переносице, негромко, сдерживая раздражение, бросил:

— Подождите, капитан. Вопросы потом.

— Ничего, я понимаю... — полковник неожиданно улыбнулся. — Эмоциональная травма. Вы, Тимур Русланович, тоже ведь что-то хотели сказать?

— Александр Семенович, мне и моим людям необходимо ознакомиться с материалами, — произнес следователь, повернулся к Горюнову: — Олег, давай.

— Вероятно, понадобится обращаться к старым делам, так что было бы уместно, если бы вы выделили нам человека для работы с архивами, — сказал Горюнов.

Ковалев согнал с лица улыбку.

— Олег Николаевич, вы меня простите, но вы вообще понимаете, что в области происходит?

Липягин принял это как руководство к действию и посмотрел на Кесаева:

— Тимур Русланович, у нас каждый человек на счету, а вы хотите, чтоб для вас кто-то по архивам бегал?

— Эдик! — одернул подчиненного Ковалев, показывая, кто в доме хозяин.

Кесаев тем не менее помощь Ковалева не принял и ответил Липягину сам:

— Я, Эдуард Константинович, очень хорошо представляю, что происходит с нераскрытыми убийствами у вас в области. Если бы вы их раскрывали, нас бы здесь не было.

В кабинете вновь повисла тишина. Первым ее нарушил Ковалев.

— Не надо нервничать. Нам всем еще вместе работать, — сказал он и пристально посмотрел на следователя. — Завтра прямо с утра я попробую найти кого-то, кто поможет вам с архивами. А сегодня, может быть... в неформальной обстановке... в смысле за знакомство и совместный успех?..

— У нас с вами много проблем и большие задачи, вы это прекрасно знаете, — ответил Кесаев. — За совместный успех выпьем, когда он будет.

Полковник развел руками:

— Договорились. Сначала работа, потом все остальное.

Он поднялся из-за стола, тем самым давая понять, что совещание закончено, и, складывая документы, сказал Кесаеву:

— Вас разместят в «Московской». Гостиница, может, не самая лучшая, но главное — это здесь рядом. Так что ждем вас утром.

Подчиненные Ковалева гуськом потянулись к дверям. Ковалев с радушием пожимал москвичам руки, прощаясь. Наконец двери закрылись, и Ковалев остался в кабинете один. Маска радушия тут же исчезла с его лица. Он хмуро посмотрел на дверь и прошипел тихо, с ненавистью:

— Суки московские...

* * *

Кесаев вышел из здания УВД последним, оглядел свою группу и нахмурился. Здесь были все, кроме одного.

— А Витвицкий где? — поинтересовался он у Горюнова. Тот огляделся на всякий случай, пожал плечами:

— Да кто его знает, товарищ полковник... Отошел.

Предположение майора не соответствовало действительности. Витвицкий не «отошел», он не дошел. Именно в этот

момент капитан спускался по лестнице с чемоданом и портфелем в охапку. Следом старший лейтенант Овсянникова тащила его свертки с книгами.

Они остановились в вестибюле у проходной. Витвицкий поставил чемодан и молча забрал у Овсянниковой свертки. Это вышло неловко, и Виталий Иннокентьевич смутился.

— Спасибо вам, Ирина, — пробормотал он, избегая смотреть ей в глаза.

— Не за что, — улыбнулась она.

Снова повисла тишина, и пауза эта потянула за собой новую неловкость.

— Виталий Иннокентьевич, вы на шутки не обижайтесь, — заговорила старший лейтенант, пытаясь разрядить атмосферу. — Это они не со зла, а от работы. Когда насмотришься всякого, душа черствеет.

— Спасибо, — благодарно кивнул мужчина. — Я понимаю. Я привык... На самом деле я ведь не настоящий милиционер, я наукой занимаюсь... А так, чтобы как сегодня...

Он запнулся.

— А погоны капитанские у вас тоже ненастоящие? — не удержалась Овсянникова.

Витвицкий снова отвел взгляд, покраснел, как школьник.

— До завтра, Виталий, — улыбнулась Овсянникова. — Можно ведь без отчества?

— Извините, но я бы предпочел с отчеством.

Девушка перестала улыбаться и поджала губы. Ее редко вот так ставили на место.

— Хорошо. До свидания, Виталий Иннокентьевич, — сухо сказала она и пошла обратно к лестнице.

Витвицкий шагнул было следом, собираясь окликнуть, но запнулся о стоящий рядом чемодан, замешкался. Все вышло нелепо и неправильно. Не так он хотел расстаться сегодня с симпатичной старшим лейтенантом.

С досадой путаясь в свертках, Витвицкий поднял злосчастный чемодан, развернулся и лицом к лицу столкнулся с Кесаевым. Полковник смотрел на Виталия Иннокентьевича с неприязнью.

— Семеро одного не ждут, — сказал он таким тоном, что Витвицкого обдало холодом.

Капитан виновато опустил взгляд.

— И в другой раз, когда решите лезть с вопросами к старшим по званию, помните о субординации, товарищ капитан.

— Извин... — промямлил Витвицкий. — То есть... так точно, товарищ полковник.

Кесаев ничего не ответил, только тяжело вздохнул и направился к двери. Мысль о том, что он еще намучается с этим мальчишкой, не отпускала полковника. А Витвицкий семенил следом и думал совсем о другом...

* * *

В ресторане гостиницы «Московская» было тихо и немноглюдно. За высокими окнами, задернутыми пыльными шторами, уже стемнело. Большая часть столиков, накрытых крахмаленными скатертями и украшенных крохотными вазочками, из которых торчали нелепые пластиковые цветы, пустовала.

В дальнем углу обосновалась практически в полном составе группа Кесаева. Не было только начальства — самого полковника и его зама Горюнова. Мужчины ужинали, перекидываясь пустыми фразочками. Нельзя двадцать четыре часа в сутки говорить и думать о работе, поэтому за столом стоял веселый треп. И только Витвицкий сидел с отстраненным видом. Вроде бы и с коллегами, но при этом сам по себе.

— А этот Ковалев вроде ничего мужик, — сказал Трешнев, помешивая сахар в чае.

— Да ну, — отмахнулся Сеченов, — дипломатничал много. Показуха.

— Думаешь? — Трешнев пригубил горячий чай. — А мне как раз простецким показался.

— Если б не Русланыч со своей дисциплиной, сейчас бы коньячку вмазали, — встрял в разговор Шабурин, который, в отличие от Трешнева, явно не питал любви к горячему чаю. — Глядишь, и с местными бы быстрее сошлись.

— А кто мешает? — оживился Сеченов.

— Сойтись? — уточнил Трешнев.

— Да не, — отмахнулся Сеченов, щелкнул по шее указательным пальцем, давая понять, что имел в виду коньяк, а не дружбу с местными, и вопросительно посмотрел на Трешнева. Тот кивнул.

— Я сейчас, — подскочил из-за стола Сеченов и бодро пошел через зал.

Трешнев и Шабурин переглянулись и не сговариваясь посмотрели на Витвицкого. Капитан молча заканчивал ужин, эстетски орудуя ножом и вилкой.

— А вы, товарищ капитан, что про Ковалева скажете? — попытался разболтать молчаливого капитана Трешнев.

— Вы не правы, — сдержанно произнес Витвицкий. — Ковалев совсем не прост. И никаких симпатий ни к нам, ни к Тимур-у Руслановичу он не питает. И с местными, как вы выразились, сойтись... вряд ли получится. Мы им как кость в горле.

— О как! — весело подмигнул Шабурин Трешневу. — Тяжело быть психологом, все вокруг уродами кажутся. Моральными, разумеется.

— Я не сказал, что Ковалев урод, не передергивайте, пожалуйста. Я просто отметил, что он не прост и не питает к нам никаких симпатий.

Шабурин и Трешнев снова переглянулись, едва сдерживая ухмылки. В этот момент вернулся Сеченов. Глаза его заговорщицки блестели, карман характерно оттопыривался.

— Ну что? Айда в номер? — весело спросил он.

— По коньям, славяне! — подхватился Шабурин и поглядел на Витвицкого: — Капитан, ты с нами?

— Благодарю. Я не пью, — отозвался Витвицкий.

— Понимаю... — кивнул Сеченов и снова весело подмигнул остальным: — Великий пост.

— Зря иронизируете, — не отрывая взгляда от тарелки, отозвался Витвицкий. — Я не пью из идейных соображений. Пьяный психолог — это как пьяный хирург. Вы представляете, что будет, если...

— Ну ты и зануда, капитан, — оборвал поток «идейных соображений» Шабурин. — Ладно, мы-то не психологи, да, мужики? Пошли!

Офицеры, скрипя стульями, поднялись из-за стола и, продолжая весело трепаться, пошли к выходу из ресторана. Витвицкий остался в одиночестве.

Закончив с ужином, он педантично сложил поперек тарелки столовые приборы, аккуратно задвинул стул и поднялся в свой номер. Обстановка здесь была спартанская: кровать, тумбочка, письменный стол и стул.

Из-за стены доносились бодрые приглушенные голоса Трешнева, Шабурина и Сеченова, осваивающих прихваченную в буфете бутылку коньяка.

Витвицкий поднял с пола чемодан, водрузил его на кровать, расстегнул толстую, как змея, молнию, откинул покоробившуюся кожаную крышку. Большую часть чемодана занимали книги и монографии, напечатанные на машинке. Капитан на всякий случай провел рукавом по столешнице, будто стирая несуществующую пыль, и начал бережно выкладывать на стол книги.

Витвицкий пребывал в странном состоянии: он не испытывал радости от того, что остался в одиночестве, но и пить с незнакомыми людьми капитану тоже не хотелось.